

ПЕРВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

О.Н. Барabanов

Политика США в Центральной Азии и Закавказье

Процесс дипломатического признания новых независимых государств (ННГ), возникших после распада СССР, со стороны США проходил в конце 1991 – первой половине 1992 гг. Одной из последних американцами была признана Грузия, ситуация в которой отличалась особой нестабильностью.

1992 г. – год президентских выборов в США – предоставлял не самую благоприятную почву для активизации американского внешнеполитического курса по отношению к ННГ региона. Поэтому в этот период Вашингтон свое первостепенное внимание сосредоточил на проблемах, напрямую связанных с обеспечением национальной безопасности США. Применительно к изучаемому региону таковым являлся вопрос о ядерном оружии СССР, которое находилось на территории Казахстана. Проблемы, связанные с его выводом в Россию и признанием Казахстаном своего статуса как государства, не обладающего ядерным оружием, и подписанием им Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), стали, пожалуй, главным приоритетом центрально-азиатской политики администрации Дж. Буша-старшего в последний год его пребывания у власти.

Другим важным аспектом политики Дж. Буша по отношению к ННГ стала подготовка в апреле 1992 г. законопроекта «О поддержке свободы», который предусматривал американскую правительственную помощь ННГ как непосредственно, так и через МВФ. Закон этот был одобрен конгрессом и подписан президентом Бушем 30 октября 1992 г., т.е. буквально за неделю до президентских выборов в США, на которых он потерпел поражение и уступил свое место демократу Биллу Клинтону.

Приход к власти Б. Клинтона ознаменовал начало нового этапа в политике США по отношению к ННГ. Главной его составляющей можно назвать курс на ослабление влияния России на постсоветском пространстве и, параллельно этому, усиление американского проникновения в данные регионы.

В сфере внешней политики этот новый курс нашел свое выражение в концепции «расширения» и «вовлечения» (engagement), которую официально озвучил осенью 1993 г. тогдашний помощник президента

США по национальной безопасности Э. Лейк. Важной составной частью «вовлечения» называлось оказание Вашингтоном поддержки становлению ННГ и демократическим преобразованиям в них.

Наконец, применительно к конфликтам, вспыхнувшим в ННГ в Центральной Азии и Закавказье, администрация Б. Клинтона также заявила о своей активистской позиции и о намерении полностью включиться в процесс по их урегулированию. Для большей эффективности этих усилий в августе 1993 г. был назначен специальный координатор от США по урегулированию конфликтов в СНГ (Дж. Коллинз) и было создано соответствующее подразделение в госдепартаменте. Фактически эти решения стали началом долговременного курса США на замену «внутреннего» миротворчества в СНГ, осуществляемого силами самих государств Содружества, на миротворчество «интернациональное», в рамках которого Россия не получала бы определяющего влияния. В рамках этого курса США стали активным участником Минской группы ОБСЕ по урегулированию карабахского конфликта.

Что касается геополитических раскладов, то приоритетной задачей США в Центральной Азии стала борьба за обеспечение как можно более дистанцированной от России внешнеполитической линии со стороны двух наиболее значимых республик региона – Казахстана и Узбекистана. В Закавказье тот же акцент был сделан применительно к Грузии и Азербайджану.

Несмотря на этот курс, оппоненты Клинтона обвиняли его в невнимании к закреплению России в СНГ. Тема «российского неоимпериализма» в СНГ получила свое отражение и в президентской кампании в США в 1996 г.

В середине 1990-х гг. в кавказскую политику США добавились новые приоритеты. В ней все более важное значение стал приобретать нефтяной фактор. Игры вокруг ожидавшейся «большой» каспийской нефти и маршруты предполагаемых трубопроводов стали одной из самых приоритетных тем для США в регионе. В подписанном в конце 1994 г. так называемом «контракте века» о разработке азербайджанской нефти и создании международного консорциума «АМОК» американские компании получили примерно 40%-ную долю.

Для реализации геополитически выгодных для США маршрутов каспийских трубопроводов, идущих в обход России (в первую очередь, Баку-Джейхан, но также и Баку-Супса), Вашингтон столкнулся с необходимостью укрепления субрегиональной стабильности в зоне прохождения нефтяных трубопроводов. В связи с этим США стали уделять гораздо более серьезное внимание своему влиянию на урегулирование

карабахской проблемы и на обеспечение внутривнутриполитической стабильности в Грузии.

Большой скандал в этой связи вызвало принятие палатой представителей США так называемой «поправки Портера», разрешавшей прямую правительственную помощь США Нагорному Карабаху. Этот шаг поставил под удар американско-азербайджанские отношения, и в конечном итоге эта поправка была отклонена, несмотря на протесты Армении. В то же время, серьезным объектом внутривнутриполитической борьбы в США, затронувшей и конгресс, и администрацию, стала борьба за предоставление Азербайджану полноправного статуса как получателя американской помощи в рамках вышеупомянутого «Акта о поддержке свободы». Поправка к этому закону запрещала предоставление американской помощи Азербайджану до окончания войны в Нагорном Карабахе, она продолжала действовать и после войны. Отмена этих ограничений серьезно обсуждалась в Вашингтоне, и постепенно суть этой поправки была сведена на нет все новыми сферами американо-азербайджанских отношений, которые изымались из-под ее действия.

В Грузии после прихода к власти Э. Шеварднадзе его фигура стала рассматриваться в качестве важного союзника США на Кавказе. Способствовали этому и тесные контакты, установленные Шеварднадзе с политической элитой США в период его работы министром иностранных дел СССР. В периоды обострений конфликта с Абхазией и разбалансировки внутривнутриполитической ситуации в стране, официальные представители США публично выражали свою поддержку грузинскому президенту. Под контролем американцев оказалась даже личная безопасность Э. Шеварднадзе. В июле 1993 г. по поручению Б. Клинтона ЦРУ провело спецподготовку личной охраны Шеварднадзе и обеспечило ее необходимыми техническими средствами. В августе 1993 г. Э. Шеварднадзе публично озвучил свое намерение запросить содействия США в подготовке военных кадров Грузии.

Что касается ННГ в Центральной Азии, то, если в отношении Узбекистана американские власти примерно до 1996–97 гг. занимали сдержанно-выжидательную позицию, связанную с нарушениями прав человека в этой республике, то с Казахстаном США практически с самого начала отношений взяли курс на тесное сотрудничество.

С Узбекистаном ситуация была более сложной. В первой половине 1990-х гг. американские власти настороженно относились к политике президента И. Каримова и нередко выступали с обвинениями в нарушениях прав человека в Узбекистане, прежде всего, политических прав оппозиции. В свою очередь, Узбекистан обвинял американцев в нарушении суверенитета и вмешательстве во внутренние дела. Эти

конфликты, однако, не мешали экономическим узбекистанско-американским сделкам. Перелом же в политических отношениях произошел в 1995–97 гг., после чего Узбекистан в значительной степени стал protagonистом в продвижении американских интересов в постсоветской Центральной Азии. Эта смена курса США является весьма показательной и может рассматриваться как характерный пример прагматизма американской внешней политики по отношению к ННГ. Среди причин этого поворота можно выделить следующие:

- правящему режиму в Узбекистане удалось успешно консолидироваться, в результате чего оппозиция первых постсоветских лет (движение «Бирлик» и партия «Эрк») практически утратила какое бы то ни было влияние на ситуацию в стране. Поддерживать ее извне уже не имело политического смысла;

- Казахстан, на который американцы пытались сделать ставку ранее, несмотря на нарушения прав русского населения страны, не желал тем не менее занимать подчеркнута антироссийскую позицию в своей внешней политике и превращаться в проводника исключительно американских интересов. Следовательно, американцы столкнулись с необходимостью искать нового приоритетного партнера в регионе;

- появление талибского режима в Афганистане сделало для США стратегически важными отношения с Узбекистаном как в силу пограничного положения этой страны, так и из-за наличия узбекской диаспоры в Афганистане, резко оппозиционной талибам (генерал Дустум);

- не последнюю роль сыграл и личностный фактор. В Узбекистане (как, впрочем, и в других ННГ) закрепление проамериканских настроений среди правящей элиты во многом зависело от профессионализма и эффективности действий посла США в этой стране и его контактов с местными политиками и СМИ. В этой связи роль второго посла США в Ташкенте С. Эскудеро (1995–1997 гг.) в повороте Узбекистана к проамериканскому курсу была достаточно важной.

В результате всех этих факторов геополитическая ситуация в Центральной Азии изменилась, и Узбекистан вслед за Украиной, Грузией и Азербайджаном примкнул к фактической американской клиентеле в СНГ.

Вслед за сменой внешнеполитического курса изменилась и военная политика Узбекистана. В ней все больший акцент начал делаться на двустороннее сотрудничество с США. Узбекистан стал одним из самых активных в Центральной Азии участников натовской программы «Партнерство ради мира», однако ташкентские власти прекрасно понимали, что расширение НАТО в обозримой перспективе не затронет Центральную Азию, поэтому не меньший акцент, чем на институ-

циональное сотрудничество с НАТО, узбекские военные стали делать на укрепление двусторонних военных связей с США. Одной из целей такой политики являлось стремление Ташкента заручиться американскими гарантиями безопасности на случай обострения ситуации в Афганистане и переноса внутриафганских столкновений на узбекскую территорию. Активизация деятельности в Ферганской долине в 1997–99 гг. экстремистов из Исламского движения Узбекистана также способствовала тому, что официальный Ташкент стремился сделать свои военные связи с США как можно более прочными.

Следует отметить, что главная цель этой политики так и не была достигнута, и США практически уклонились от предоставления Узбекистану всеобъемлющих военных гарантий безопасности (по образцу, например, американо-японских), но военное присутствие США в Узбекистане пошло по нарастающей.

Эти факторы привели к постепенному росту внимания к центральноазиатским проблемам и в аналитических кругах США. Весьма показательным событием стало открытие в октябре 1996 г. Института Центральной Азии при Школе перспективных международных исследований им. Дж. Гопкинса.

В итоге, в середине 1990-х гг. американской дипломатии удалось закрепить антироссийский крен в политике ряда государств СНГ и, что более важно, кристаллизовать эти государства в более или менее единую группу. Все это и привело к объединению в 1997 г. Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии в блок ГУАМ, ставший, пожалуй, самым серьезным вызовом российским национальным интересам в СНГ за все время существования Содружества. В апреле 1999 г. в ходе Вашингтонского саммита НАТО к этому блоку присоединился Узбекистан, и аббревиатура ГУАМ была заменена на более непрозрачную ГУУАМ.

Первоначально главной целью ГУАМ называлось исключительно развитие транспортной и нефтепроводной инфраструктуры (проекты «нового шелкового пути» через коридор «ТРАСЕКА» и транспортировки каспийской нефти по маршруту Баку-Супса-Одесса-Броды), но постепенно все более значимым становилось и военное измерение ГУАМ. Это выразилось в намерении создания совместных миротворческих контингентов, в планах совместной борьбы с «агрессивным сепаратизмом» – идеи, которые встречали поддержку и помощь со стороны США, которые, таким образом, получали новые возможности для своего военного присутствия на южном фланге СНГ.

Еще одним важным шагом в этом направлении, который в значительной степени изменил стратегическую картину в регионе, стало

объявление США в 1999 г. о включении южного фланга СНГ в «зону ответственности» командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), осуществляющего американские военные акции на Среднем Востоке. Таким образом, и суверенитет, и границы центральноазиатских ННГ уже не рассматривались как препятствия на пути реализации военных операций США.

В результате, в последние годы XX в. серьезные внешнеполитические акции многих стран-членов ГУУАМ (прежде всего, на российском направлении) в буквальном смысле слова определялись Вашингтоном. Положение начало меняться после избрания Президентом России В.В. Путина в марте 2000 г. СНГ было объявлено важнейшим приоритетом российской внешней политики. Россия, по контрасту с предыдущим периодом, стала проводить гораздо более четкую и продуманную политику в этом регионе. Все это привело к тому, что антироссийская и проамериканская направленность некоторых членов блока ГУУАМ начала становиться менее выраженной. Применительно к государствам южного фланга СНГ такая эволюция произошла с Узбекистаном, который приостановил свое членство в ГУУАМ и вступил в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), и, в определенной степени, с Азербайджаном. С другой стороны, в новых условиях ряд членов ГУУАМ решил избрать путь еще большей радикализации своего антироссийского и проамериканского курса. Такую политику стала проводить Грузия.

Качественно новый этап в американской политике в Центральной Азии наступил после событий 11 сентября 2001 г. Планируя свою ответную акцию по Афганистану, США поставили на повестку дня вопрос о предоставлении им как воздушного пространства СНГ для боевых вылетов, так и военно-воздушных баз и аэродромов на территории постсоветских центральноазиатских республик. Таким образом, американцы заявили о своем намерении перейти еще через одну из пресловутых «красных линий» в постсоветской политике – добиться своего постоянного военного присутствия в ННГ (ранее войска США привлекались на южный фланг СНГ лишь для проведения учений) и, что еще более важно, свободы вести боевые действия с баз на территории СНГ.

Российское руководство в условиях курса на военнополитическое сотрудничество с США в Афганистане не стало противодействовать этим планам. В результате, 7 октября 2001 г. (по иронии судьбы, в День Конституции СССР), американские войска начали закрепляться в Узбекистане. Им был предоставлен бывший советский военный аэропорт Карши (в западных источниках чаще именуемый как Ханабад). Еще одну базу США получили в Киргизии – в аэропорту

Манас близ столицы страны. В настоящее время число американских военных в Узбекистане, по заявлению И. Каримова, составляет 2 тыс. чел. В Киргизии американцев и их натовских союзников немного меньше – 1,8 тыс. чел. Параллельно этому, в Закавказье американцы получили право использования ряда военных баз в Грузии.

Лидеры государств, принявших войска США, поначалу не стеснялись в эпитетах, описывая американских солдат как «спасителей». В ряде случаев не обходилось и без параллельных антироссийских сентенций.

Можно сделать вывод, что военное присутствие США на южном фланге СНГ становится, по крайней мере в среднесрочной перспективе, постоянно действующим фактором геополитического расклада сил в регионе. Осознание этого факта вызвало и серьезную внутривосточную дискуссию в России. Главным аргументом в пользу наличия вооруженных сил США на юге СНГ называлось то обстоятельство, что американцы примут на себя первый удар в случае активизации исламистов в центральноазиатских ННГ и тем самым фактически выступят в защиту российских национальных интересов. Главным же контраргументом было то, что США вряд ли захотят вмешиваться во внутренние конфликты в ННГ, ставить под угрозу жизнь своих военнослужащих и давать всеобъемлющие военные гарантии безопасности для правящих режимов в странах региона.

Становится более вероятным сценарий, что США намерены использовать свое военное присутствие в постсоветской Центральной Азии только для стратегических геополитических целей и вряд ли решат вмешаться во внутривосточные проблемы региона, создаваемые местными исламистами.

Более того, в августе 2002 г. стало ясно, что США предпочли совсем иную стратегию действий в Центральной Азии, о которой ранее большинство экспертов даже не упоминало. 20 августа 2002 г. госдепартамент США выпустил специальный информационный доклад, в котором содержались сведения о качественном изменении политики США по отношению к Узбекистану и Киргизии – двум центральноазиатским государствам, которые приняли военные контингенты США после 11 сентября 2001 г. Главное состояло в том, что Киргизия и Узбекистан становились объектом первоочередного внимания бюро по вопросам демократии, прав человека и труда госдепартамента США. Это подразделение госдепартамента обязывалось в кратчайший срок организовать работу по достижению следующих целей:

- способствовать становлению политических партий в Узбекистане и Киргизии путем предоставления грантов на формирование и развитие политических партий демократической ориентации;

- способствовать созданию типографских возможностей в этих странах, которые обеспечили бы доступ к свободным и независимым источникам информации;
- поддержать программу укрепления «ответственной журналистики» в этих странах.

Никакое другое государство постсоветской Центральной Азии в таком контексте в этом докладе не упоминалось.

В связи с этим становится вполне очевидно, что выпестованная «демократическая оппозиция» при поддержке «ответственных СМИ» должна будет рано или поздно начать серьезную борьбу за власть в обоих государствах, где США разместили свои воинские контингенты. Таким образом, ясно, что власти США сделали четкий акцент в своей среднесрочной политике в Центральной Азии по замене режимов Каримова и Акаева на полностью подконтрольную им проамериканскую клиентелу, действующую под патронажем соответствующих посольств США. Нет нужды упоминать, что такой вариант в случае его реализации будет способен в корне изменить геополитический расклад сил в постсоветской Центральной Азии. Не исключено, что такие марионеточные проамериканские правительства Узбекистана и Киргизии в случае их прихода к власти могут поставить вопрос о выходе из СНГ, ШОС, а в киргизском варианте – и из Договора о коллективной безопасности. В результате в Центральной Азии может сложиться новый проамериканский альянс, который, по всей видимости, будет гораздо более антироссийски настроенным, чем ГУУАМ. Соответственно, продекларированная осенью 2002 г. политика США по отношению к Узбекистану и Киргизии является серьезным вызовом российским национальным интересам и может привести к новому противостоянию России и США, теперь уже на южном фланге СНГ.

На примере Узбекистана можно проследить последовательные стадии политики США по отношению к ННГ. Сначала, когда то или иное государство занимает нейтрально-осторожную позицию в отношении США, американские власти делают главный акцент в своей дипломатии и внешнеполитической пропаганде на нарушения прав человека в этой стране (как было в Узбекистане в первой половине 1990-х гг.). Затем, если это государство заявляет о смене своего внешнеполитического курса и о намерении проводить исключительно проамериканскую линию, то и риторика США также меняется. Обвинения в нарушениях прав человека на официальном уровне прекращаются, и начинают делаться заявления о том, что ситуация в данной сфере в этой стране «улучшается» (Узбекистан во второй половине 1990-х гг.). Третий этап наступает, когда США разворачивают свое военное при-

сутствие в этой стране и убеждаются, что у властей данного государства не хватает политической воли и ресурсов для того, чтобы выдвинуть американцев назад. В этом случае США становятся заинтересованными уже не просто в лояльном клиентелистском режиме в этой стране, а в своих прямых ставленниках во власти. В связи с этим вновь появляются обвинения в нарушении прав человека, а посольство США приступает к работе по формированию «демократической оппозиции» (Узбекистан и Киргизия в 2002 г.). Схема действий, как видно, достаточно показательна.

Следует отметить также, что проблематика прав человека используется американцами лишь как инструмент не только в политических, но и в экономических целях. Вообще следует отметить то, что нефтяной фактор оказывает серьезнейшее воздействие и на выработку общей политики США в регионе.

На основании вышеизложенного, в политике США по отношению к постсоветским государствам южного фланга СНГ можно выделить следующие этапы:

1. 1991–1992 г. – признание администрацией Дж. Буша новых независимых государств. Принятие решений о финансовой поддержке их демократического развития («Акт о поддержке свободы»). Акцент на выводе ядерного оружия из Казахстана и подписании государствами региона ДНЯО.

2. 1993–1995 г. – признание главной целью американской политики ограничения российского влияния в СНГ, провозглашение и реализация стратегии «вовлечения» по отношению к государствам региона, жесткая позиция в отношении прав человека в СНГ.

3. 1996–2000 г. – отказ от критики новых независимых государств из-за нарушения прав человека в обмен на их клиентелистскую политику в отношении Вашингтона. Формирование проамериканской группировки государств внутри СНГ. Создание ГУАМ/ГУУАМ. Серьезнейшее влияние нефтяного фактора (ожидания «большой» каспийской нефти) на геополитическую игру США в регионе.

4. Период с 2001 г. по настоящее время – отказ от односторонней проамериканской политики большинством членов ГУУАМ после активизации российской политики в СНГ. Качественное изменение геополитической ситуации в регионе после терактов 11 сентября 2001 г. Решение о масштабном военном присутствии США в ряде государств региона. Провозглашение принципиально новой американской политики по отношению к государствам, предоставившим США свои военные базы. Смещение акцента от поддержки правящих режимов этих стран на формирование полностью зависимой от США новой оппозиции.

Соответственно этой логике развития можно выделить и основные «болевые точки», которые будут определять политику США в Центральной Азии и Закавказье на среднесрочную перспективу и которые могут решительным образом повлиять на российско-американские отношения:

- динамика развития внутривосточной ситуации в Киргизии и Узбекистане – странах, где размещены американские военные базы, и по отношению к которым США начали *de facto* проводить политику по постепенной замене нынешних режимов новыми политическими силами, которые будут ориентированы исключительно на США. От того, удастся ли США осуществить этот план и сформировать новую проамериканскую группировку в Центральной Азии, будет зависеть и расклад сил в регионе, и характер отношений между Россией и США. А это в свою очередь позволит сделать вывод, насколько оправдал себя курс России на тесное сближение с США в связи с операцией в Афганистане;

- ситуация вокруг Грузии в этом контексте может еще раньше стать своеобразной лакмусовой бумажкой, которая покажет прочность нового российско-американского партнерства. Принципиально важными являются вопросы о том, в какой степени США будут поддерживать антироссийскую политику режима Шеварднадзе, каким образом американцы будут реагировать на эволюцию ситуации в Абхазии, не произойдет ли в ближайшее время прямого столкновения России и США в Грузии (возможный сценарий: Россия в соответствии со ст. 51 Устава ООН о праве на самооборону примет решение проводить антитеррористические операции преследования в Панкисском ущелье, а в это время США будут использовать грузинские военные базы для операции против Ирака и объявят Грузию своим важнейшим союзником);

- участие стран СНГ в антииракской военной кампании США. Если американцы начнут боевые действия против Ирака и решат использовать для своих самолетов военные базы в Узбекистане, Киргизии, Грузии и, возможно, других странах СНГ, то дадут ли правительства этих стран свое согласие на это, и если да, то как это повлияет на общую геополитическую ситуацию в регионе и его отношения с арабскими странами. Отдельный вопрос, спровоцируют ли эти американские акции волну нового исламского экстремизма в СНГ;

- продолжение нефтяной игры вокруг Каспия. Ближайшие несколько лет должны будут показать, насколько оправданными были ожидания «большой» каспийской нефти, а «геополитика трубопроводов» сможет достаточно четко раскрыть общие долгосрочные цели США в данном регионе.

А.У. Хомра

Зона свободной торговли стран СНГ: начало или завершение экономической интеграции на постсоветском пространстве?

Объектами мировых хозяйственных связей выступают экономические ресурсы (факторы производства) и результаты производственного использования факторов производства – товары и услуги. Внешнеэкономические связи между государствами по поводу движения товаров и услуг реализуются во внешней торговле, а по поводу экономических ресурсов – на международных рынках капиталов, природных ресурсов и рабочей силы.

Экономическая интеграция СНГ не может не начаться из создания зоны свободной торговли (ЗСТ) (взаимные поставки без таможенной пошлины, налогов, квот). Следующими этапами формирования общего пространства с единым экономическим механизмом должны быть таможенный союз (создание единой таможенной службы; внедрение согласованных внешних тарифов по всему периметру для защиты экономических интересов стран, которые объединяются; реализация мероприятий нетарифного регулирования по отношению к третьим странам), потом платежный союз (первый этап – установление взаимной конвертируемости национальных валют), за ним – валютный.

Экономический союз, который предшествует экономической интеграции, предусматривает свободное перемещение между странами-участницами не только товаров и услуг, но и всех составляющих производства – труда, капиталов, технологий и информации. Экономический союз предусматривает также согласование макроэкономической (бюджетной, денежной, инвестиционной, налоговой) политики.

Полная экономическая интеграция означает проведение не просто согласованной, а единой экономической политики, включая унификацию контрактного, финансового, налогового, трудового, антимонопольного и других видов законодательства, внедрение единых технических и экологических стандартов, а также появление единой валюты, общего эмиссионного центра, надгосударственных законодательных, исполнительных и судебных органов. Понятно, что критерии эффективности для каждого из этапов формирования общего экономического пространства будут различаться между собой. Для зоны свободной торговли, как вытекает из самого названия этапа, данные критерии не могут не сводиться к эффекту внешней торговли.

Подтверждается, в частности, что Россия больше от СНГ проиграет, поскольку снабжает партнеров сырьем, а они Россию – готовой

продукцией; Россия является рынком для стран СНГ, а сама на их рынки не выходит. В создании зоны свободной торговли СНГ усматривается попытка отдельных стран, прежде всего с дефицитом топливно-энергетических ресурсов, «пролонгировать» нынешнюю роль России как донора. С каждым следующим этапом интеграции возрастает важность формирования наднационального органа управления, а переход к высшим этапам интеграции без такого органа будет просто невозможным. Как ни парадоксально, как раз интеграция позволяет каждой стране укрепить экономический и политический суверенитет, обеспечить сохранение государственной независимости.

Оценка эффекта от внедрения зоны свободной торговли, таможенного союза, платежного союза, валютного союза, экономического союза, экономической интеграции является очень сложной задачей. Такого плана расчеты осуществляются редко, методика их проведения, как правило, не афишируется. В целом эффект увеличивается с углублением экономической интеграции. Более того, даже при внедрении ЗСТ дальнейшая интеграция части стран (таможенный союз, платежный союз, валютный союз) на функционировании режима свободной торговли тех стран, которые в них не вступят, отразится крайне отрицательно.

Достижение справедливого распределения эффекта между странами-участницами экономической интеграции как задача на порядок сложнее, требует значительных по объему, взвешенных согласований. С желанием получить максимальную долю общего эффекта от функционирования зоны свободной торговли связаны различия в ее понимании практически каждой из стран-участниц.

Соглашение о создании зоны свободной торговли стран СНГ было заключено в апреле 1994 г. В России многие считают, что при принятии решения о создании ЗСТ не было проведено глубокого анализа достижений и потерь от вступления в ЗСТ. Согласно оценкам бывшего Министерства РФ по делам СНГ, российские ежегодные потери от внедрения ЗСТ будут составлять 2 млрд. долларов (колебание величины данных потерь согласно имеющимся оценкам – от 600 млн. до 2 млрд., а то и 3 млрд. долларов в год). Другое объяснение нецелесообразности присоединения России к зоне свободной торговли СНГ сводится к затягиванию кризиса, который не позволил создать для этого необходимые условия.

С другой стороны, российским товаропроизводителям зона свободной торговли также выгодна. Среди других составляющих, которые рекомендуется учитывать при определении потерь и достижений ЗСТ СНГ, называется обусловленное дефицитом сырья падение производства в Украине, повышение себестоимости продукции и экспорт-

ной цены на товары, которые поставляются в Россию. Это приводит к осложнению условий хозяйствования российских предприятий, технологии которых зависят от украинских поставок, и это же ставит Россию перед необходимостью использовать значительные валютные средства на закупку необходимых товаров в третьих странах. Поскольку таким способом покрыть потери производственно-технических товаров (комплектующих, запасных частей и т.д.) невозможно в принципе, то неминуемым становится сворачивание высокотехнических производств в обеих странах.

Из дилеммы отказаться от внедрения ЗСТ или разработать и реализовать программу компенсационных мероприятий предпочтение было отдано второму подходу. Потери других участников ЗСТ вследствие изъятия из режима свободной торговли российских энергоносителей Россия предлагает компенсировать наращиванием товарообмена в рамках ЗСТ за счет восстановления высокотехнического и наукоемкого экспорта, а также путем восстановления поставок традиционных товаров, потребность в которых остро ощущается в России.

Внедрение изъятий означает возможность применения количественных ограничений на ввоз товаров (квотирование), а также экспортных и импортных сборов. Ограничение украинского экспорта в Россию распространяется где-то на 150 видов товаров. Наполнение реальным содержанием зоны свободной торговли стран СНГ усматривается не только в отмене имеющихся и не только во внедрении новых изъятий из режима свободной торговли, переходе к взысканию НДС по принципу страны назначения, но и в гармонизации таможенных процедур при осуществлении внешнеэкономической деятельности, налоговой политики в сфере железнодорожного транспорта, унификации нормативно-правовой базы внешнеэкономической деятельности, упрощении перемещения товаров через таможенные границы в пределах таможенных границ стран-участниц и тому подобное.

Внедрение режима свободной торговли между странами СНГ на двусторонней основе в конечном итоге приведет к зоне свободной торговли на всем экономическом пространстве СНГ. Однако любые исключения обесценивают преимущества ЗСТ СНГ как целостности. Также не имеет смысла создание ЗСТ в границах ГУУАМ в противовес ЗСТ в границах таможенного союза. Кредитовать экономику других стран-участниц через отрицательное сальдо внешней торговли ни одна из стран ГУУАМ не сможет, а если даже смогла бы, то не будет, как и не будет продавать энергоносители в кредит или по низкой цене. Формирование таможенного союза означает снижение значимости зоны свободной торговли для его участников; для них это пройденный этап. На повестку дня в этих странах выдвинулась задача создания

зоны свободной торговли с другими странами и объединениями стран, в частности Европейским Союзом, вступление в ВТО.

В последнее время Россия в отношениях со странами СНГ пробует отказаться от слишком обязательных деклараций, завышенных и раздражительных ожиданий. На место всеобъемлющего подхода выдвинулась высокая выборочность осуществляемой политики с учетом ее реальной выполнимости. На саммите глав стран-участниц СНГ, который состоялся в январе 2003 г. в Киеве, Россия, признавая движение к созданию зоны свободной торговли в пределах СНГ движением в правильном направлении, все же от экспортных сборов на продукцию ТЭК не отказалась. Дальнейшие шаги в решении вопроса полноценного функционирования ЗСТ СНГ связываются ею с расширением участия Украины в ЕврАзЭС, образованной в октябре 2000 г. (конкретная работа руководящих органов началась с января 2002 г.) на базе Таможенного союза. ЕврАзЭС по своей природе является ничем иным, как зоной свободной торговли, практически таможенным союзом с перспективой перехода на единую валюту. Украинское руководство все же надеется, что результаты переговоров по сокращению ограничений торговли между странами СНГ уже в ближайшее время приблизят внедрение зоны свободной торговли на территории содружества.

Президент Украины Л.Д. Кучма считает, что к решительным действиям в формировании общей зоны свободной торговли его обязывает председательство в Совете Глав государств стран СНГ. Препятствия внедрению ЗСТ Украине надлежит преодолевать постепенно через разработку частичных мероприятий с дальнейшим их наполнением после реализации и определения эффективности. Саммит в Киеве подтвердил тезис, что наиболее реальный путь преодоления трудностей становления ЗСТ СНГ лежит в развитии экономического регионального и приграничного сотрудничества. В частности, в случае сохранения списка товаров, которые подлежат изъятию из режима свободной торговли, на определенный период необходимо добиваться, чтобы этот список не находил своего использования в межрегиональном и приграничном сотрудничестве.

Т.С. Дорутина
Женское лицо российской политики

Вступление России в Совет Европы наложило на нее определенные обязательства по реализации политики равных прав и возможностей женщин и мужчин. Непременным условием участия любой страны в Совете Европы является ратификация Европейской конвенции о

защите прав человека и основных свобод. На конференции министров Европейского Сообщества по равным возможностям (Страсбург, 1986 г.) была принята резолюция «О политике и достижении равенства женщин и мужчин в политической жизни, их участии в процессе разработки и принятии решений». Конференция призвала политические партии, государственные и общественные организации, профсоюзы и другие заинтересованные группы разработать меры позитивного характера, содействующие выдвижению, назначению, избранию большего числа женщин на руководящие посты, повышению их роли в принятии решений. В докладе, подготовленном секретариатом, отмечалось, что если женщин меньше, чем 15% в структурах власти, то возникают серьезные диспропорции. Равновесие наступает при 40% женщин.

В 90-е гг. в России был принят целый ряд правовых документов, декларировавших обязательства по исправлению гендерного дисбаланса на уровне принятия решений, но ситуация с тех пор только ухудшилась. За последние 10 лет произошло сокращение числа женщин в органах представительной (законодательной) власти. В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва были избраны 60 женщин (13,6%), второго созыва – 46, что составило 10%. В составе членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ в 2003 г. – 5 женщин (2,86%). В Государственной Думе РФ третьего созыва число женщин-депутатов сократилось до 7,7% от общего числа депутатов. Сегодня Россия занимает 80-е место в мире после Гвинеи-Бисау, опережая Камбоджу по количеству женщин в парламенте.

В законодательных органах субъектов Федерации в среднем – 9% женщин. В Законодательном собрании Санкт-Петербурга – 2 женщины; в Ленинградской области – 4; в Псковском Областном собрании из 21 депутата – 2 женщины; в Калининградской Областной думе из 27 депутатов только 2 женщины; в Архангельском Областном собрании из 40 депутатов 5 женщин, в Твери – 4; в ряде российских регионов, к которым относятся Новосибирская, Рязанская, Курская, Омская и Томская области, депутатская деятельность – чисто мужская обязанность. При составлении списков кандидатов-одномандатников предпочтение почти всегда отдают мужчинам, ссылаясь на то, что женщины не выбирают. Между тем в Северной Европе, а мы привыкли причислять себя к северному региону, женское представительство в законодательных органах превышает 36%.

Мужская законодательная и исполнительная власть в России все меньше учитывает социальные интересы женщин, не использует их жизненный опыт и знания, а продвигает лишь глобальные, зачастую

агрессивные, интересы. Практически все экономическое законодательство, создаваемое Российским парламентом, способствует сохранению и усугублению экономического и социального неравенства между полами, поскольку ориентировано на создание более благоприятных условий для «мужских» сфер деятельности, чем для «женских».

Как показывает исследование гендерных аспектов российской элиты, существуют гендерные различия в сфере интересов деятельности депутатов Государственной Думы. На вопрос о том, в каких парламентских комитетах предпочли бы они работать, кроме того, членом которого являются в настоящее время, ни один из опрошенных мужчин-депутатов не ответил, что он намерен выбирать комитеты, занимающиеся здравоохранением, семейной политикой, социальным обеспечением, гендерным равенством.

Хотя именно женщины составляют большинство в здравоохранении, образовании, культуре, науке, их опыт никак не используется в процессе законотворчества. Очевидно, что персональный состав органов власти и управления не соответствует реальному соотношению полов в обществе.

Участие женщин в принятии государственных решений сделает государственную политику более гуманной. В наших интересах, чтобы предоставить такую возможность женщине, позаботиться не только о детях, но и мужчинах тоже.

Необходимо отметить: несмотря на то, что женщины не участвуют в управлении на уровне принятия государственных решений, они закрывают многие бреши государственной политики, являясь наиболее активными участницами гражданского общества в нашей стране. Женщины возглавляют большинство некоммерческих общественных организаций, которые начали активно развиваться с 90-х гг. Практика работы Лиги избирательниц по созданию сети своих организаций по стране свидетельствует о том, что женщины охотно вовлекаются и быстро осваивают новую сферу деятельности – работу в НКО.

На сегодняшний день российский третий сектор – это массовое общественное движение, с постоянно увеличивающимся объемом человеческих, финансовых, материальных и организационных ресурсов и потенциалом гражданского действия, накопившее громадный позитивный опыт в решении социальных проблем. По данным Госкомстата РФ, в России количество некоммерческих организаций всех организационно-правовых форм составило на 1 января 2001 г. почти 485 тыс., и международные неправительственные организации ежегодно осуществляют с ними проекты на сумму в сотни млн. долларов США, содействующие реформам практически во всех сферах. В Санкт-Петербурге и

Ленинградской области зарегистрировано около 10 тыс. общественных организаций (на начало 90-х гг. их было 3 тыс.). За 2000 г. общественными организациями и благотворительными фондами в СПб было привлечено около 20 млн. долларов. Это прямые инвестиции в социальную сферу, обеспечение рабочими местами и, наконец, налоги в бюджет. Причем многие общественные организации, созданные по принципу общей беды, занимаются проблемами, на которые не хватает ни средств, ни внимания у государства (беженцы, СПИД, домашнее насилие, наркомания, бездомность, подростковая преступность и безнадзорность, проблемы пожилых людей и инвалидов). Они оказывают адресную поддержку наиболее нуждающимся, предоставляют различного рода социальные услуги и помощь. Некоммерческие организации, преимущественно женские, обслуживают до 30 млн. граждан ежегодно, снимая значительное бремя с госбюджета и являясь, по сути, лидерами социальной реформы. Женщины-руководительницы НКО, прошедшие школу гражданского общества, являются тем интеллектуальным потенциалом, который может быть успешно задействован в структурах власти в России.

По последним опросам почти 60% россиян положительно относятся к женщинам-политикам, четверть отрицательно, 16% затруднились ответить. Причем жители малых городов с населением от 100 до 300 тыс. человек чаще, чем в среднем по России, положительно отвечали на поставленный вопрос. Жители городов-миллионеров, напротив, чаще выказывали отрицательное отношение. Вполне естественно, что женщины в большинстве своем положительно относятся к женщинам-политикам, тогда как среди мужчин повышен показатель отрицательного отношения к данному явлению. Со снижением уровня дохода растет доля людей, которые положительно относятся к женщинам-политикам. Предприниматели и военнослужащие чаще, чем другие социальные группы, выказывают отрицательное отношение к женщинам-политикам. Безработные, напротив, чаще выказывают положительное отношение. Странники В. Жириновского и электорат ЛДПР чаще, чем сторонники других политиков и партий, заявляли об отрицательном отношении к женщинам-политикам. Электорат СПС чаще, чем в среднем по стране, демонстрировал к этому свое положительное отношение.

Что препятствует самореализации женщин в современной России?

Причин тому видится несколько.

Российская Федерация, несмотря на все проводившиеся реформы, страна глубоко патриархальная, неэффективно управляемая, расточительная с точки зрения использования человеческих и природных

ресурсов. У нас сильны традиции активной общественной роли мужчины, а для женщины отведено лишь второе место. Власть традиционно воспринимается как часть сугубо мужской субкультуры, и многие женщины, обладающие необходимыми способностями для участия во властных структурах, сознательно отказываются от борьбы за власть, так как не хотят играть по правилам этой мужской субкультуры. Отсюда и столь небольшой процент женщин, сознательно выдвигающихся на выборах федерального и регионального уровней. Так, на последних выборах в Государственную Думу в декабре 1999 г. на 225 одномандатных округов в 74-х не было ни одной женщины-кандидата, а в 73-х выдвигалось только по одной. На выборах депутатов Законодательного собрания Санкт -Петербурга 2002 г. из 423 кандидатов (по 50 избирательным округам) было лишь 63 женщины – 15% от общего числа. На выборах Калининградской Областной Думы выдвигалось 283 кандидата, из них 40 женщин (т.е. 14%), действующими депутатами стали две.

В нашем государстве отсутствует стратегия реализации гендерного равноправия. Руководители разного уровня не знакомы со словом «гендер», а «феминизм» воспринимают только как ругательство в отношении женщин, отстаивающих свои права.

Женщины практически не участвуют в работе политических партий, а партии со своей стороны, не заинтересованы выдвигать женщин, аргументируя тем, что за них не голосуют. Да и само представительство женщин в партиях ничтожно – 2%.

Криминальная обстановка, складывающаяся в ряде регионов вокруг выборов, обязательные поиски и публикации компромата отпугивают женщин от участия в политике.

Женщины зачастую идут на выборы, руководствуясь самыми благими намерениями – отстаивание прав избирателей, но неадекватно оценивают имеющиеся у них в наличии ресурсы для проведения избирательной кампании: денежные, людские, информационные. В России при наличии неограниченных ресурсов неважно, какого пола кандидат.

Большая занятость проблемами экономического выживания, воспитанием детей зачастую не позволяет заняться политикой даже женщинам с активной жизненной позицией.

Добиться подлинной демократии можно только одним путем – обратить внимание на необходимость для всех совместно работать над решением местных, национальных, региональных и международных проблем.

У нас в стране избиратель зачастую не имеет реальных возможностей проголосовать за женщин: их непропорционально мало среди кандидатов на разные выборные должности.

Как уже упоминалось выше, на выборах федерального и регионального уровней выдвигается очень мало женщин. Однако, чем ниже уровень представительной власти, тем больше в ней женщин. Так, в Санкт-Петербурге на муниципальных выборах 1997–1998 гг. среди кандидатов в депутаты было около 40% женщин, и 31% из них победили на выборах. Муниципальная избирательная кампания 2000 г. показала, что женщин в депутаты МСУ по-прежнему выдвигается много – в результате их представительство выросло в Санкт-Петербурге до 47%. В других регионах приблизительно та же картина. Именно при выборах в муниципальные советы женщины имеют больше возможностей быть избранными, так как психология избирателя, предпочитающего видеть мужчин на высоких политических должностях, допускает участие женщин в решении вопросов коммунального хозяйства, бытового обслуживания, социального обеспечения, образования и т.д., традиционно являющихся сферой деятельности местного самоуправления. Этим женщинам, имеющим опыт избирательной кампании и муниципального управления, необходимо выдвигать на более высокий уровень, оказывая им всяческую поддержку.

За последние два года женское движение достигло некоторых успехов, которые необходимо закрепить на предстоящих выборах в 2003 г. в Государственную Думу:

- в ст. 8 Федерального закона «О политических партиях» предусмотрено пропорциональное представительство мужчин и женщин в списках политических партий;
- в 2003 г. в Государственной Думе принят в первом чтении закон «О равных правах и возможностях мужчин и женщин»;
- во многих регионах проводятся Гендерные образовательные программы для школьников, активистов НКО, чиновников.

Необходим широкий диалог между женским сообществом, которое представляют женские НКО, и политическими партиями. К сожалению, женское сообщество эти вопросы пытается решить большей частью на своих женских конференциях, без широкого привлечения мужчин-политиков, от которых многое зависит.

На первый план сегодня выходит работа по просвещению населения, чиновников, политических партий. Просветительская деятельность должна планомерно проводиться как женскими организациями, так и средствами массовой информации. Именно общественные организации, общаясь непосредственно с людьми, могут подтолкнуть наиболее активных женщин к участию в выборах различных уровней.

Необходимо формировать общественное мнение в пользу того, что отсутствие женщин в списках кандидатов политических партий

нецивилизованно, наносит ущерб государственной политике, так как не учитывает интересы большей части населения. Нужно подтолкнуть политическую элиту к решению о привлечении женщин в политику, возможному принятию системы квотирования по признаку пола при выдвижении кандидатов.

Объединение усилий женщин-лидеров с усилиями женского электората может принести политические дивиденды всему женскому сообществу.

Литература

1. Азбука демократии: гендерное просвещение. М., 2001.
2. Айвазова С.Г., Кертман Г.Л. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России. М., 2000.
3. Аналитическая записка экспертов из ведущих российских НКО / О.П. Алексеева, Г.Д. Джигладзе, И.Е. Доненко, О.В. Зыков, О.Б. Казаков, Ю.Н. Качалова, К.В. Киселева, А.Р. Севортьян, Е.А. Тополева, Н.Л. Хананашвили, М.М. Черток, В.Н. Якимец. М., 2000.
4. Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?: Аналитический доклад / Институт комплексных социальных исследований РАН, Российский независимый институт социальных и национальных проблем. М., 2001.

Д.А. Молдошева **Гендерный анализ избирательного процесса в Кыргызстане**

Процессы укрепления и развития демократии на постсоветском пространстве кардинально изменяют отношение к вопросу о деятельности различных меньшинств, в том числе женщин, как одних из основных активных участников продвигаемых в независимых государствах демократических реформ.

Основные принципы демократии – свобода и равноправие всех, независимо от признаков пола, расы, национальности и др., свобода слова, свобода образований и движений, многопартийность, плюрализм мнений, отражающий функционирование в многополярном обществе множества различных организаций и движений, имеющих самые различные взгляды на существующий порядок вещей и отстаивающих свои собственные идеи и цели при соблюдении национального законодательства и норм международного права. Эти принципы предполагают существование в обществе различных, зачастую противоположных взглядов. Конечно, не во всех молодых независимых государствах данные принципы нашли свое практическое применение.

В большинстве из них официальная власть, состоящая зачастую из руководства старой партийной номенклатуры, прикрываясь лозунгами «демократии, свободы слова и прав человека», попросту не давала и не дает звучать различным точкам зрения в обществе, создавать разнонаправленные движения, объединения и союзы, т.е. быть свободным каждому. В этих государствах равноправие людей, безоблачная картина развития демократических принципов являются формальным свидетельством относительного продвижения демократических реформ.

Одной из причин такого положения вещей является экономическая и политическая (геополитическая) «независимость» новых молодых независимых государств в мировом сообществе, где существуют двойные стандарты измерения демократии.

В авторитарных государствах проблема участия женщин в социально-политической сфере государства вообще не стоит. Несмотря на современное цивилизованное законодательство, современная женщина находится под воздействием неофициальных «кулуарных», тем не менее часто вышестоящих над современными нормами в силу своей традиционности и разделяемости большинством общества, норм (религиозных, патриархальных), которые утверждают, что самая главная и единственная роль женщины – это семья и дети. Таким образом, остальные сферы общества для этих женщин закрыты.

Политические права и свободы, в отличие от личных прав и свобод, нацелены не на обеспечение автономии человека, а на его активное включение в жизнь страны, управление делами. В группу политических прав и свобод входят, прежде всего, избирательные права. Участие женщин на выборах – это индикатор, предпосылка развития гражданского общества. Осознанное участие женщин в выборах является закономерным результатом повышения их социальной активности, а также одним из главных факторов и этапов на пути женщин в законодательные органы.

Известно, что борьба за предоставление избирательного права женщинам была чрезвычайно длительной и напряженной. Вплоть до начала XX в. женщины практически повсеместно не имели избирательных прав как некомпетентные и неспособные к участию в политике. Реально этот вопрос решился лишь в конце XIX – начале XX вв. Женщины получили избирательные права в Новой Зеландии (1893 г.), Австралии (1902 г.), Финляндии (1906 г.), Норвегии (1913 г.), Великобритании (1918 г.), США (1920 г.), Швеции (1921 г.), Бразилии (1932 г.), Франции (1944 г.), Италии и Японии (1945 г.), Греции (1953 г.), Швейцарии (1974 г.).

Кыргызстан, как и другие государства-участники Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обязуется обеспечить на равных условиях с мужчинами право избираться во все публично избираемые органы (ст. 7 Конвенции). Конституция Кыргызской Республики и другие нормативные акты юридически закрепили эти принципы.

Но реализация избирательных прав женщин затруднена рядом следующих причин.

Патриархально-религиозные традиции общества.

Тоталитарный режим социалистического общества, несмотря на светский характер декларируемых принципов, не предлагал новых принципов и стимулов для участия женщин в общественно-политической жизни, за исключением заказных квот и показательных собраний. В связи с этим женщины по-прежнему ждут, когда государственные структуры их заметят и продвинут.

Неготовность самих женщин к реальной политической борьбе, малая популярность образа женщины-лидера во всех слоях общества.

История независимого Кыргызстана привнесла глубокие изменения во все сферы социальной жизни. Однако экономический кризис эпох перестройки и постперестройки сопровождался кризисом социальной, политической и духовной сфер. Такие негативные явления избирательной сферы, как нечестная предвыборная борьба, покупка избирателей буквально за бутылку водки, невыполнение предвыборных обещаний и т.д., и, как результат, пассивность избирателей, были новыми чертами нашей жизни.

Подобные перегибы стали возможными потому, что быстрые перемены объективных факторов (политического строя, законодательной базы, состояния экономики, благосостояния семей) происходили неравномерно и не соответствовали развитию субъективных факторов, к которым мы относим понимание прав, свобод и ответственности избирателей, в особенности женщин, а также рядом других факторов, таких, как доступ к информации и др.

Тем не менее в республике наблюдается ситуация, когда общественность еще не готова к правильному пониманию проблем гендерного равенства и поддержке женского лидерства в силу своей правовой безграмотности. Свидетельство этому – результаты различных социологических исследований, проводимых с целью выявления проблем, касающихся политической активности женщин. Общий анализ позволил сделать вывод о том, что женщины имеют весьма смутные и общие представления о демократических выборах, 80% опрошенных заявили о том, что они нуждаются в получении знаний по избирательному праву.

Женщины почти не представлены в политических партиях республики. В социологическом исследовании «Женщины Кыргызстана: ресурсы политической активности», проведенном Ассоциацией «Диамонд», указывается, что только в 8 из 16 партий (за исключением Демократической партии женщин) в руководящих органах имеются женщины, но количество их незначительно – от 1,2 до 7%. При этом ни одна из партий не рассматривает женщин в качестве политической силы, способной самостоятельно определять стратегию личной и общественной активности. В программных документах партий нет намерений поддерживать женское политическое участие, способствовать выдвижению женщин на руководящие посты, вовлекать в партийные ряды. Женщины рассматриваются как объект, жизнь которого нужно улучшать извне, не развивая их собственную гражданскую инициативу. Видимо, поэтому среди женщин партиям не удалось обрести большого политического влияния.

В Кыргызстане, как и в других странах бывшего Союза, неразвитость отношений частной собственности, практическое отсутствие среднего класса до недавнего времени сдерживали процесс развития гражданского общества. Но проведение демократических реформ, как известно, способствовало решению этой проблемы.

Законодательный процесс должен быть частью общего процесса по реализации конституционного принципа равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин. В избирательном праве он модифицируется в нормативные стандарты прав: избирать и быть избранным. Равенство стандартов для двух полов в избирательном законодательстве не вызывает сомнений, но равенство возможностей весьма проблематично. Де-юре положение кыргызстанских женщин с точки зрения их политических прав выглядит вполне пристойно и благополучно, но де-факто налицо неблагоприятные тенденции.

В реальной жизни женщины продолжают оставаться дискриминируемой социально-демографической группой. Дискриминация женщин на современном этапе проявляется, прежде всего, при реализации тех политических прав, которые непосредственно связаны с формированием политико-властных структур. В этом убеждает сравнительный анализ. Так, к началу перестройки доля женщин среди депутатов Верховного Совета СССР (выборы 1984 г.) составляла 32, 8%, среди депутатов Верховных Советов союзных республик (выборы 1985 г.) – 36%, депутатов Верховных Советов автономных республики (выборы 1985 г.) – 40% и краевых, областных, окружных, районных, поселковых, сельских Советов (выборы 1985 г.) – 50%. Однако искусственно насаждаемая квота женщин в выборных органах не отражала

их подлинной политической и общественной активности и реальной роли в принятии политических решений. Первые же альтернативные и свободные выборы резко сократили долю женщин в Верховном Совете СССР.

На первых демократических выборах депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики большинство женских организаций поддержали действующие политические партии. Выдвигая женщин-кандидатов от своих партий или оказывая поддержку «независимой» женщине-кандидату, лидеры этих партий тем самым решают важные тактико-стратегические задачи своих предвыборных кампаний, одновременно повышая рейтинг партии в женском движении, расширяя влияние партии среди женского электората, увеличивая шансы на успех кандидатов-мужчин из списка своей партии. Большинство мужчин, выдвинутых кандидатами в депутаты, не владеют конкретной ситуацией в регионах, не знают проблем женщин-избирательниц, оперируют общими представлениями об их интересах. Не случайно поэтому, что доля женщин в политических партиях ничтожно мала и не соответствует ни доле женского электората, ни доле женщин в численности населения, ни их пропорциональному представительству в органах власти.

В избирательной практике 1995 г. предоставление равного избирательного права сопровождалось отказом от советской системы квотирования, согласно которой для женщин резервировалось 33% мест в органах власти. Это привело к резкому уменьшению представительства женщин в выборных структурах, где женщины стали социально «невидимой» группой, но зато высветился их реальный статус в обществе. На выборах в 1995 г. только 5 женщин из 82, претендовавших на избрание в высший законодательный орган республики, смогли преодолеть барьеры, созданные социально-экономическими условиями жизни, культурными стереотипами и патриархальным мировоззрением.

Существует определенное мнение, что это – закономерный результат, определяемый в какой-то мере нашим менталитетом: женщины предпочитают перекладывать решение важных вопросов, даже касающихся их непосредственных интересов, на мужчин, они не готовы к активному участию в управлении общественными процессами. Недостаточный уровень знаний и господство стереотипов о роли женщины в обществе не позволяет им участвовать в избирательной кампании на равных с мужчинами. В результате женщины, которые составляют более 54% электората республики, являются социальным меньшинством в политике.

Парламент – это краеугольный камень демократии. Для того, чтобы женщины занимали в нем достойное место, необходимо, чтобы в первую очередь женщины-избиратели поняли важность и смысл избрания демократическим путем женщин-парламентариев. Тогда и будет обеспечен успех. Достигнуть этого можно только с помощью обучения, потому что позиции в отношении политики являются результатом убеждения, а не врожденными. Люди должны выработать в себе такие привычки, установки, ценности, без которых невозможно существование демократии. А для этого необходимо работать с женским населением на местах, ведь судьба парламентария решается там. Безусловно, такое обучение – очень сложный и длительный процесс. Для создания специальной образовательной инфраструктуры необходимы огромные усилия и подлинная приверженность этому делу.

Выводы и предложения

1. Необходима общая государственная политика в отношении женщин как самостоятельное направление. Поскольку существует группа специфических проблем, связанных с положением женщин в обществе, необходимы учет и реализация разнообразных интересов и мнений. Необходимо: отработать механизм взаимодействия государственных органов власти и многочисленных женских организаций в решении политических и социально-экономических вопросов, выработке оптимальных моделей управления с использованием различных форм сотрудничества – «круглых столов», консультативных советов, комиссий, семинаров, конференций, социальных заказов, экспертиз законопроектов и других; добиваться расширения политического участия женщин в принятии решений на всех уровнях, представительства женщин в составе представительных и исполнительных органов власти всех уровней, широкого вовлечения женщин в общественно-политические объединения, движения; укреплять женские организации, добиваться их широкой поддержки со стороны населения. Принимать более активное участие в организации и деятельности политических партий.

2. Необходимо детальное законодательное регулирование участия в избирательных кампаниях политических партий и движений. Предлагается узаконить государственное финансирование партий по результатам парламентских выборов и государственную поддержку избирательных кампаний, проводимых партиями. Такое решение будет стимулировать рост самих партий, поставит барьер попыткам разных предпринимательских групп коррумпировать их.

3. Как показывает мировая практика, общее увеличение женского представительства в высшем законодательном органе обуславливает наличие законов, требующих, чтобы соотношение представителей полов в списках кандидатов от партий соответствовало соотношению полов в стране, или введения партийных квот (например, в скандинавских странах – квоты, установленные государством; в Великобритании, ФРГ – партийные квоты, в Италии – чередование кандидатов мужчин и женщин в партийных списках). Квотирование в странах с устоявшейся демократией, безусловно, оправдано и своевременно, что нельзя сказать о независимых молодых государствах, где уровень политической культуры и сознания электората оставляет желать лучшего. Квотирование и продвижение женщин до 40–50% на выборные и назначаемые органы власти, таким образом, не должно стать самоцелью. Неподготовленное государство, которое введет этот способ распределения мандатов, рискует получить непрофессиональный парламент, отсюда исходит необходимость выдвижения не просто женщин (по признаку пола), а женщин-профессионалов, подготовленных к работе в органах власти.

4. Считаю необходимым организовать специальную подготовку женщин к участию в политической, государственной деятельности и управлении; подбирать лидеров из состава женщин, совершенствовать методики их отбора и оценки, создать стратегии их конкретного продвижения; формировать положительный имидж женщины-политика; разработать соответствующие программы обучения женщин-кандидатов в органы законодательной и исполнительной власти, включающие анализ избирательного законодательства, освоение новейших электоральных технологий, разработку стратегии и тактики избирательной кампании; организовать обучение по специальной программе женщин-парламентариев, женщин, работающих в исполнительных органах власти.

5. Предусмотреть в работе образованных при избирательных комиссиях групп контроль за соблюдением участниками избирательного процесса порядка и правил проведения предвыборной агитации на каналах республиканских и региональных телерадиокомпаний, в периодических печатных изданиях; самостоятельное направление – обеспечение равных возможностей женщинам-кандидатам в проведении предвыборной агитации, своевременное реагирование на их жалобы и заявления о нарушении действующего законодательства.